

АДОЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА

АМАНАТ

№ 2005

10048к

ДНЕВНИКИ
И ПИСЬМА...

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АБАЙ КЛУБЫ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ АБАЯ
ABAI INTERNATIONAL CLUB

**Редакционный Совет Библиотеки
журнала «AMANAT»**

Роллан Сейсенбаев

(Казахстан) —

Главный редактор — Председатель Совета

Абиш Кекильбаев

(Казахстан)

Анатолий Ким

(Россия)

Аятолла Хьюбш

(Германия)

Валентин Распутин

(Россия)

Имангали Тасмагамбетов

(Казахстан)

Клара Серикбаева

(Казахстан)

Кэндзабуро Оэ

(Япония)

Леон Робель

(Франция)

Мырзатай Жолдасбеков

(Казахстан)

Мурат Ауэзов

(Казахстан)

Мухтар Кул-Мухаммет

(Казахстан)

Олжас Сулейменов

(Казахстан)

Пентти Холоппа

(Финляндия)

Чингиз Айтматов

(Кыргызстан)

**10-летию Республики
Казахстан посвящается**

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «АМАНАТ»

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

ББК 84 (4 Пол)
Я65

Документальная проза XIX века

Выпускается по программе Министерства
информации Республики Казахстан

Рекомендовано Министерством образования
Республики Казахстан в качестве учебного
пособия для дополнительного образования

Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

Дизайн и верстка
Рустема Еспаева
Тимура Бутанова

Перевод с польского и предисловие
Ф. Стекловой

Под общей редакцией
И. Дюйсенбаева
кандидата филологических наук

© Адольф Янушкевич
Дневники и письма из путешествия по
казахским степям. - Алматы: МКА, 2005.

© 2005 г. 236 стр.

Я $\frac{4703010000}{00(05)-05}$

ISBN 9965-611-45-9

КОЧЕВНИКИ ХХІ ВЕКА В ПУТИ

Когда-то давно род людской покинул своих младших братьев и отправился в путь. Он уже добрался до Луны и соседних планет. Он упорно идет своим земным путем, возможно более трудным и опасным, чем Млечный Путь. Ибо есть сила, заставляющая Человека оставить мать, отца, родной дом, родимый край, свою голубую планету и отправиться в путешествие. Путешествие, которое может оказаться как наказанием и проклятием, так наградой и большим обещанием. Укладывается ли в понятие «путешествие» ответ на извечный вопрос человеческого бытия?

На протяжении тысячелетий мы находимся в пути: дитя, рождаясь, оставляет утробу матери, молодожены, строя семьи, оставляют отчий дом, и старики, уходя в вечность, покидают нас. Каждый человек, часто в одиночестве, совершает свое путешествие, путешествуют семьи, поколения, народы. Наши дороги соединяются и пересекаются. Иногда останавливаемся, не в состоянии продолжить свое путешествие. Иногда приходим к выводу, что нужно остановиться и двинуться снова, но уже иным путем. Какое оно - это наше путешествие? Всегда ли оно ведет к нужной цели? Приносит ли оно, трудное, чувство радости и свершения? Или же прав был французский поэт О. Сэн-Бартелеми (1796-1867), когда писал: «Я вижу в жизни только один путь, покрытый терновыми кустами, которые рвут наши одежды и под конец оставляют нас обнаженными и покрытыми ранами»?

Немногие из нас, счастливые и мудрые, могут самостоятельно сделать выбор своего пути. Каждому ли дано его наметить для себя, семьи, поколения, народа, человечества. Каждый ли способен сплотить вокруг себя стойких товарищей по путешествию, с которыми они вместе осият новые пути. Мудрая казахская народная пословица гласит: «Десятеро оставят след на земле, сотня протопчет тропу, а тысяча проложит дорогу».

Хочу понять, какие судьбы и какие пути привели поляков в казахские степи, мечтаю узнать, какие следы оставили, какие тропы протоптали, какие дороги обозначили мои соотечественники на просторах Казахстана и в сознании казахов?

В XIX веке моя страна, разделенная между тремя соседями, находилась в рабстве. Три части одного организма, вынужденные двигаться тремя разными, чужими путями, на которых ненавистные захватчики определяли направления и расставляли знаки. Зависимость - это застой, это блуждание по бездорожью, а иногда и остановка, отсутствие возможности и права выбора, определения своего пути.

За право выбора боролись многие поколения (крупные народные восстания 1830, 1848, 1863 годов в Польше). Миллионы, в основном молодых людей, в юношеском порыве вступали на путь борьбы.

Сверстники Адама Мицкевича, Томаша Зана, Адольфа Янушкевича - это первое поколение, рожденное в рабстве. Гордость за Конституцию 3 Мая¹, урок восстания Костюшки и рассказы участников войны с Наполеоном были свежи в памяти этого поколения и близки им по духу. Они призывали с оружием в руках выступить за свободу. Поэтому, молодые повстанцы оставляли своих матерей, отцов, родной дом и пускались на путь борьбы. Кружок друзей-заговорщиков, воспитание силы души, ясности ума, радость начала Восстания и первых побед, первые раны, первые поражения, аресты, первые расстрелы друзей, приговоры, кибитки и зимние дороги... Путешествие - наказание. Проклятое путешествие в неизвестный, но уже в прокливаемый край.

Какой была дорога А. Янушкевича и двенадцати его друзей в Ишимскую степь? Такой ли, как описал ее их друг великий Адам Мицкевич в поэме «Дзяды»:

*По диким пространствам, по снежной равнине
Летит мой возок, точно ветер в пустыне.
И взор мой вперился в метельный туман, -
Так сокол, в пустынную даль залетевший,
Застигнутый бурей, к земле не поспевиший,
Глядит, как бушует под ним океан,
Не знает, что смерть отбратить он не может.
Ни города нет, ни села.
От стужи природа сама умерла.
И зов твой в пустыне звучит без ответа,*

¹ Первая Конституция Европы 1791 года

*Как будто вчера лишь возникла планета.
 Но мамонт из этой земли извлечен,
 Скиталец, погибший в потоке великом,
 Порой, непонятные новым языкам,
 Приносит нам были минувших времен -
 Тех дней, когда был этот край обитаем
 И с Индией он торговал и с Китаем.*

.....
*Чужая, глухая, нагая страна -
 Вела, как пустая страница, она.*

(перевод В. Левина).

Итак, в Ишим прибыли новые кочевники. Они стали кочевниками уже давно - с того момента, когда их Родина утратила свободу и когда они выбрали свой путь. Они кочевали там, в родном краю, не имея возможности радоваться общению на родном языке, родной культуре и родным традициям. Их силой заставили кочевать и именно здесь они встретили истинных кочевников, которые выбрали кочевой образ жизни.

Так ли представлял себе А.Мицкевич проклятый край, увековеченный А.Мицкевичем в III части своей поэмы? Был ли поэт готов жить в этой «чужой, глухой, нагой стране», а, может быть, он хотел заполнить белизну её «пустых страниц»?

Этого мы не знаем, но очевидно, что А. Янушкевич лучше всех ссыльных понял: казахская степь - его школа и новое продолжение его кочевой жизни, и потому он лучше всех изучил язык и обычаи казахов. По словам английского ученого-гуманиста Ф. Бэкона (1561-1626), «...человек, отправляющийся в путешествие в страну, языка которой не знает, собственно, отправляется в школу, а не в путешествие». Итак, А. Янушкевич - кочевник свободы - стал кочевником цивилизаций и культур...

Мы, жители Земли, также являемся великими кочевниками.

Чем больше тропинок и дорог мы прокладываем, тем легче и быстрее мы переезжаем с места на место, знакомимся с другими народами, перенимаем их традиции и образ жизни. Отдельные люди народ объединяют в общем путешествии.

Однако, встает вопрос, становимся ли от этого свободнее?

Если свобода - готовность к путешествию по собственному выбору, то да. Если свобода - готовность к встречам и диалогам, к познанию и уважению того, что ценно для других народов, их религий, традиций, культуры, мечтаний, их выбора, то да, мы становимся все более свободными.

Есть множество сомнений и глубинных вопросов относительно этого нашего общего кочевого будущего. Одно из них - хватит ли у нас сил и выдержки в нашем путешествии - выражено в восьмистишье великого казахского поэта Абая Кунанбаева (1845-1904):

*Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни -
Не вернутся они,
Мы в гордыне коснеть должны,
То, что прожито - не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.*

(перевод Л. Озерова)

Мы, люди XXI века, так же, как когда-то Адольф Янушкевич, находимся в пути и поистине все больше становимся кочевниками цивилизаций и культур...

*Владыслав Соколовски
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Польша в Республике Казахстан*

АДОЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ И ЕГО КНИГА

дивительны бывают порой судьбы писателей и их произведений! История же Адольфа Янушкевича и его книги «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» не только удивительна, но и глубоко драматична.

В жизни Янушкевича было два совершенно не похожих один на другой периода. Первый — до 1831 года — семья, университет, друзья, любимая невеста, родина, путешествия за границу, мечты о будущем... 1831 год стал в его жизни переломным: участие в восстании, тяжелое ранение, плен. А потом начался второй период: тюрьма, многоверстные дороги в неизвестную даль с кандалами на ногах, суд, ссылка. Двадцать пять лет ссылки. Все в прошлом. И горестное свидание с родными у самого края жизни.

Судьба книги тоже необычна. Она вышла давно, более ста лет назад, но была известна лишь небольшому кругу лиц. А до своего настоящего читателя она дошла только теперь.

Детство и юность Адольфа Янушкевича, родившегося в Несвиже (бывшей Минской губернии) в 1803 году, прошли в семье, где старшие часто вспо-

минали, что они сражались за свободу и независимость Польши в войсках Тадеуша Костюшки. Вспоминали с тем большей гордостью, что Костюшко приходился близким родственником матери Адольфа.

Восемнадцатилетним юношей, окончив Винницкую гимназию, Адольф поступил в Виленский университет на филологический факультет. Университет в Вильне жил в те времена бурной, напряженной жизнью: там под руководством Адама Мицкевича существовала тайная организация филоматов¹, тесно связанная с Лелевелем², с русскими декабристами. Филоматы создавали многочисленные кружки филаретов под названиями «голубые», «розовые» и т. п., стремясь разжечь среди студенческой молодежи искру национально-освободительной борьбы. Адольф не остался в стороне; он стал участником кружка «голубых» и убежденным пропагандистом свободолюбивой поэзии Мицкевича.

По окончании университета Янушкевич вернулся в родные места, позднее поселился в Подолии. Казалось, все пророчило ему счастливую будущность: и доверие сограждан, избравших его депутатом сейма, и любовь очаровательной девушки Стефании, и уважение родных.

Немного беспокоило здоровье: ему едва минуло 25 лет, а доктора уже советуют лечиться на водах. И вот Адольф в Карлсбаде. Впрочем много ли надо молодому, неистощенному организму, чтобы поправиться? А потом — увлекательное путешествие по Европе: Вена, Италия, Швейцария, Германия, Франция. В Риме он повстречался со своим великим земляком Адамом Мицкевичем и его друзьями. Молодые люди быстро нашли общий язык и дальше уже путешествуют вместе. Их соединяло многое: и мечты о будущем Польши, об участии в освободительной борьбе своего народа, и любовь к литературе.

О том, какое впечатление произвел Янушкевич на великого поэта, лучше всего свидетельствует тот факт, что он стал прототипом образа «Адольфа из Варшавского салона» в драматической поэме А. Мицкевича «Дзяды».

¹ Филоматы и филареты — любители науки, вольнолюбивая организация студентов в Виленском университете в начале 20-х годов XIX века, разгромленная царским правительством.

² Лелевель Иохим (1786—1861)—выдающийся польский историк и революционный деятель, один из вождей восстания 1830—1831 гг.

Поэт вкладывает в уста Адольфа рассказ об узнике царизма. И какими же пророческими по отношению к рассказчику явились эти слова:

*Я помню узников рассказы о неволе,
Я думал — о своей и он расскажет доле,
Опишет подвиг свой, геройские дела
Сынов родной земли, которых погребла
Рука тирана там, в узилищах Сибири,
Где Польши летопись полней, чем в целом мире.*

(Пер. В. Левика)

Шел по Европе революционный 1830 год... Янушкевич возвращался домой через Париж и Брюссель, где уже ощущались подземные толчки будущей революции. Встречи с Лелевелем в Варшаве решили судьбу юноши: отныне его долг — борьба за освобождение родины. Едва лишь добрался он до родных мест, как туда прилетела весть о восстании в Варшаве. И не успев даже обнять родных и друзей, Адольф вместе с братом Евстахием тайно переходит Неман и добирается до восставшей столицы.

Янушкевич горячо любил свою родину, он без колебаний становится одним из самых активных деятелей повстанческого движения, с оружием в руках борется против войск российского царизма. В одном из сражений он вместе с товарищами был окружен превосходящими силами неприятеля и тяжело ранен. Семь ранений, настолько тяжелых, что он потерял сознание и упал с лошади. Друзья, видевшие это, решили, что он погиб. Но Янушкевич был взят в плен и выжил.

Пленных отправили пешком через Брест и Москву к далекой Вятке. Было у Адольфа на этом крестном пути лишь одно светлое мгновение: свидание с матерью. Это было в 1831 году. В следующий раз он увидит ее только через двадцать пять лет!

Из Вятки снова в дальнюю дорогу — на суд в Киев, куда он прибыл в конце 1831 года.

Вот он стоит перед следственной комиссией, возглавляемой фельдмаршалом Сакеном, известным своей жестокостью. Напрасно судьи стараются заставить его признаться в том, что «действовал он бессмысленно». В ответ они слышат: «Что сделал — то сделал сознательно, по

доброй воле, по искреннему убеждению, что каждый настоящий сын отчизны должен посвятить ей всю свою жизнь»³. Он почитал это своим святым долгом! Вот почему в длинном списке «польских мятежников» и «политических преступников»⁴ он был отмечен, как один из самых упорных и закоренелых в своем «преступлении».

Приговором от 4 марта 1832 года Адольф Янушкевич был лишен дворянского звания с конфискацией имущества и сослан на поселение в Сибирь.

В мае 1833 года Янушкевич оказался в Тобольске. Поскольку он принадлежал к категории «политических преступников», ему пришлось испытать на себе всю тяжесть «руки карающей» царского правосудия: в отличие от уголовных поселенцев политические не могли работать или служить, передвигаться с места на место, они обязаны были являться в определенные сроки в полицию для регистрации. Но жизнь в Тобольске была бы сносной, если бы там можно было остаться. Увы! Вскоре по прибытии Янушкевича в Сибирь был раскрыт заговор ссыльных революционеров, так называемое «Омское дело». Горячие головы решили поднять восстание и пробить себе дорогу через Бухару и Индию в Европу. И хотя Янушкевич не был причастен к этой группе заговорщиков, репрессии посыпались на виновных и невиновных. Адольф был выслан из Тобольска, о чем он сообщает в письме к матери с грустным юмором:

«10 декабря оставляю Тобольск и еду в Ишимский уезд, в деревню Желяково... Купил себе огромные сани и, упаковавши себя самого и все свое имущество, накопленное за это время, скоро двинусь в дальнюю сторону. Буду теперь, как скромный крестьянин, сажать репу где-нибудь на берегах Ишима или Карасу...»⁵

Кажется, в ссылке Янушкевича увлекает все, что происходит вокруг. Он ездит на охоту, занимается хозяйством, переводит с английского «Историю завоевания Англии норманнами», читает литературные русские и иностранные журналы, интересуется общественной и

³ *Zywot Adolfa Januszkiewicza*. Berlin, 1875, t. 1, s. 13. Перевод здесь и далее мой. В дальнейшем по техническим причинам источник указывается в русском переводе.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4174, л. 824.

⁵ *Жизнь Адольфа Янушкевича*. Берлин, 1875, т. 1, стр. 30.

политической жизнью, жадно ловит новости. Но одновременно он живет в мире грез и мечты, воспоминаний о далеком прошлом. В этой его жизни огромную роль играет переписка с милыми сердцу родными и друзьями. Насильно отторгнутый от привычного круга, культурной жизни, заброшенный в далекий суровый край, он оставил свое сердце там, за Неманом.

Он пишет им часто, почти ежедневно. И несмотря на то, что письма идут долго — они в пути месяца полтора, — между адресатами протягивается тонкая, но крепкая нить, связующая страждущие сердца. Они сообщают друг другу о разных милых мелочах личной жизни, о болезнях, о происшествиях со знакомыми. Но это только внешне: за этими строчками такое щемящее страдание, что кажется: вот-вот оборвется нить горестным возгласом: «Не могу больше!»

Еще в Тобольске Адольф получил от невесты кольцо — свидетельство решимости, несмотря ни на что, выйти за него замуж. Но годы уходили, надежды рушились: сколько он еще тут пробудет? Адольф не мог примириться с тем, что из-за него похоронит себя в глуши юная возлюбленная, он должен страдать один... Постепенно он внушает ей мысль, что нужно расстаться. У него даже хватает силы написать матери с некоторым юмором после того, как было отослано невесте кольцо: «Окончился роман, за который господин Бальзак мог бы, описав все в четырех томах, получить 30 тысяч франков». Но горечь прорывается сразу же: «А я... что мне осталось? Воспоминания... одни воспоминания...»⁶

В 1835 году Адольфу Янушкевичу было разрешено переехать в Ишим, где к этому времени обосновалась большая колония ссыльных поляков. Адольф обладал счастливой способностью собирать вокруг себя людей хороших, душевных, гуманных. Сосланный сюда же поэт-романтик Густав Зелинский нашел в нем подлинного друга. Зелинский уже уедет на родину, а переписка с Янушкевичем будет продолжаться еще много лет; письма к Густаву составят, пожалуй, одну из самых интересных страниц ныне публикуемой книги.

Когда стало ясно, что жить в Ишиме придется долго, он купил небольшой домик, в котором «клетушек много,

⁶ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 49,

и будет тепло, когда подремонтируем, потому что, правду сказать, это просто развалина. Дом стоит как-то набекрень, словно шапка у улана, уличная стена выпятилась, как большой живот, окна смотрят хмуро... Но что можно приобрести за такие деньги?»⁷ В этом домике из присылаемых ему из дому книг и журналов Янушкевич создал для ссыльных небольшую библиотеку.

Присутствие духа, неистребимый юмор не оставляют этого замечательного человека. Когда начинают одолевать тяжелые мысли, он берет в руки пилу, топор или молоток и идет во двор — чинит, рубит, строгают, приводя в порядок свой развалившийся домишко. Тоске нельзя поддаваться, иначе она задавит, а он живет надеждой, что еще обнимет своих близких.

Уходили дни, месяцы, годы... Так прошло восемь лет. В 1841 году вышло «послабление»: можешь стать солдатом или чиновником. Из двух зол Янушкевич выбрал меньшее — с августа этого года становится канцеляристом Омского окружного суда. Впрочем в суде он пробыл недолго, осенью его переводят на службу в канцелярию начальника Пограничного управления «сибирскими киргизами». Работа приносит ему некоторое удовлетворение, он надеется заслужить облегчение своей участи — разрешение вернуться на родину. Здесь он знакомится с казахским языком, ездит в далекие служебные командировки по делам Управления, становится секретарем Комитета «по уложению проекта киргизского права».

Уже во время первой поездки в июне 1843 года Адольф влюбился в казахские степи. В письме к матери от 2 июля, возвратившись из командировки, он пишет:

«Я переезжал через высокие горы, одетые лесами и населенные медведями, маралами, лосьями и оленями, вплавь перебирался через реки, не ведомые никому в Европе, а над ними, впервые за двенадцать лет, услышал я милое пенье соловья... Я видел киргизские племена, кочующие в составе тысячи и более юрт на протяжении 25—30 верст, покрытых косяками коней, верблюдов, баранов и рогатого скота чудной красоты... Встречал купеческие караваны, идущие из Ташкента и Коканда, стада сайг, диких коней, называемых куланами... Наконец, должен был узкой степной дорогой лететь через пылаю-

⁷ Там же, стр. 52.

щую степь. Разве все это не интересно? Разве не интереснее, чем вид немецких полей, засаженных картофелем, или неаполитанских лаццарони, объедающихся макаронами? Здесь я нигде не видел посевов, не встречал заборов, вокруг — бесконечный простор. Дышал полной грудью, как араб в пустыне»⁸.

В 1845 году Янушкевич снова побывал во владениях Средней орды, а в 1846 году в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневым, надолго покидает Омск и уезжает в казахские степи.

Предыстория этой поездки изложена у самого Янушкевича так: в мае 1846 года в Омск приехал посол Большой орды и передал просьбу пяти племен о принятии их в Российское подданство. Посол ссылался на ряд причин, в частности, говорил о желании жить мирно и избегать междоусобных раздоров, разжигаемых известным в те времена султаном Кенесары Касымовым. Экспедиция, выехавшая из Омска, имела несколько задач, но главной была встреча на реке Лепсе с руководителями пяти племен Большой орды.

В мае выехала группа, которой предстояло разобраться одно спорное дело, а позднее, после встречи на Лепсе, произвести перепись населения и скота во владениях Средней орды. Группу возглавлял друг Адольфа Виктор Ивашкевич, сосланный за организацию польского тайного общества «Черных братьев» и сочинение «возмутительных писем и стихов»⁹.

Янушкевича осенила блестящая мысль: ежедневно записывать наиболее интересное из того, что он будет наблюдать, а кроме того, писать своим родным и друзьям подробные письма о своем путешествии. Его, конечно, тешила мысль: когда-нибудь все эти письма и записи увидят свет..

И вот день за днем ведутся записи. С любой оказией отправляются письма в Польшу или друзьям в Сибирь.

Пять долгих месяцев — от первых майских дней, когда степь зеленела яркой и свежей травой, до прихода жестокой стужи и ветров в уже высохшую степь — ко-

⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. I, стр. 132—133. В книге оставлены прежние наименования казахов — «киргизы», киргизов — «каракиргизы» и т. п. для сохранения исторического колорита.

⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1750, л. 3.

лесит он по бескрайним просторам от Иртыша до «снежной стены Ала-Тау», обратно к Тарбагатаю и китайской границе, затем спускается к озеру Балхаш.

В октябре путешествие закончилось, экспедиция вернулась в Омск. Снова утомительная канцелярская служба, многочасовое сидение в присутствии... Годы проходят, слабеет надежда на освобождение. Работа начинает тяготить, одолевают болезни, особенно плохо со зрением. Осенью 1849 года Янушкевич уволился с работы в Пограничном управлении в чине коллежского регистратора. Он пробыл в ссылке уже 18 лет. Хлопочут за него в Петербурге не только родные, но и знакомые родных, влиятельные люди. Тщетно.

Письма Адольфа в эти годы полны печали: «Мое будущее представляется во все более грустных красках. И ничего удивительного! Старость, слабость, ухудшение здоровья и столько раз обманутые надежды. Разве это не является достаточной причиной, чтобы наполнить сердце изгнанника такой тоской, которая велит ему на все смотреть мрачным и недоверчивым взглядом»¹⁰.

Теперь в его письмах все меньше и меньше проявляется интереса к жизни. Стареющий, одинокий (все друзья давно получили освобождение и уехали), он оставался в изгнании. Единственным утешением в последние годы ссылки стали цветы: Янушкевич с необыкновенным энтузиазмом занялся их разведением, и в этой области он хотел создать что-то уникальное. Любопытнейшее письмо пишет этот удивительный человек своей старой матери, стараясь потешить ее:

«Мои георгины выросли до пяти аршин и своей красотой восхищают весь Омск, что чрезвычайно радует мою хозяйку, которая гордится тем, что у нее такой мудрый постоялец, сумевший на горсточке песка сотворить такое чудо». И далее: «Очень жалею, что не могу послать маме изумительно красивый кактус, который только вчера расцвел, а сегодня стоит на окне и принимает поклонение от всех прохожих»¹¹.

Родных тем временем все больше тревожила судьба изгнанника. Брат его, эмигрант, встретился за границей с известным аристократом графом Демидовым и рассказал

¹⁰ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр.

¹¹ Там же, стр. 168.

ему об Адольфе. Демидов принял живое участие в судьбе ссыльного и пригласил его в Нижний Тагил, пообещав создать условия для жизни и работы. «Ах, этот город на тысячу верст ближе к дому!» — это стало главным стимулом в его решении переехать в Нижний Тагил.

Как он потом пожалеет об этом! «Пишут из Омска Ивашкевичи, они там все вместе, а я здесь совсем один». И окончательно он осиротел, когда управляющий Демидова, его соотечественник, внезапно умер. Просто страшно читать такие строки письма: от них веет безнадежностью и полным разочарованием в жизни:

«Януарий (брат.— Ф. С.) пишет мне о какой-то научной экспедиции, выбирающейся в наши края. Спрашивает, не смогу ли я стать в ней переводчиком? Не очень-то улыбается мне эта экспедиция! Прежде всего то, что, несмотря на всяческие там замыслы — ничего из этого не выйдет; во-вторых, не при нынешнем состоянии моего здоровья таскаться по горам и лесам, подвергаться морозам Березова или Туруханска. Миновало то время, когда я любил и мог путешествовать; сегодня мне нужен тихий и теплый угол. Хватит с меня Сибири! Тот, кто подал Януарию мысль об этом, якобы возможном для меня, путешествии, не знал или, может быть, забыл, что завтра мне исполняется 50 лет, что, живя уже более двадцати лет в сибирском климате, я перенес десяток горячек, два воспаления легких и горла, три зимы сплошного ревматизма, и все это от холода»¹².

Увы, в пятьдесят лет он стал совершенно немощным и живет только письмами родных и друзей. Отправляя прах демидовского управляющего в Петербург, он перешел границу Азии и Европы, и это потрясло бедного изгнанника:

«Вот при этих-то обстоятельствах,— сообщает он,— таких для меня тяжелых, я впервые за столько лет имел возможность стоять на европейской земле, так как ездил до самой пристани на реке Чусовой и был даже 50 с лишним верст за столбом, на котором по-русски написано «Уральский хребет», а выше большими буквами с одной стороны «АЗИЯ», с другой — «ЕВРОПА»¹³. И все же, несмотря на плохое состояние здоровья, Янушкевичу хотелось работать. Ему наконец удалось получить

¹² Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 189—190.

¹³ Там же, стр. 192.

должность библиотекаря на демидовском предприятии. Эта работа занимала все его время. Но зачем оно ему?

Только после смерти царя Николая вновь возродилась надежда, но, как пишет первый биограф Адольфа Янушкевича Феликс Вротновский, «когда царская рука подписывала помилование, смерть уже занесла свою руку над помилованным»¹⁴. У него открылась болезнь, которая быстро прогрессировала. Даже получив долгожданное «помилование», он не мог горячо радоваться ему: болезнь приглушила все чувства. Совершенно ослабевший, он выехал в июне из Нижнего Тагила и через месяц, в июле 1856 года, перешагнул родной порог. И слег. И менее чем через год по возвращении из ссылки его не стало.

После смерти Адольфа Янушкевича его закадычный друг и товарищ по ишимской ссылке Густав Зелинский при первой же своей поездке в Париж отвез младшим братьям Янушкевича — политическим эмигрантам — все письма и дневники Адольфа. Семья решила увековечить память о старшем брате и, отобрав некоторую часть дневников и писем, издала на свои средства книгу его путешествий. Почти половину ее занимала биография, написанная давним другом и коллегой Адольфа по Виленскому университету Феликсом Вротновским. На хорошей плотной бумаге очень небольшим тиражом книга вышла в 1861 году в Париже. Она называлась «Жизнь Адольфа Янушкевича». В первом томе была статья Ф. Вротновского, широко использовавшего личную переписку Адольфа, во втором — «Письма и дневники из путешествия по киргизским степям».

Через несколько лет, видя возросший интерес к книге, братья решили выпустить второе издание. Оно вышло в Берлине в 1875 году на польском языке, как и первое.

В Польше в журналах и некоторых отдельных изданиях порой упоминалось (очень кратко) о Янушкевиче, особенно тогда, когда издание было посвящено описанию жизни польских ссыльных революционеров в Сибири. Но писали, конечно, в основном о самом Янушкевиче, а не о книге. В России же до Октябрьской революции, то есть при царизме, дорога этой книге была закрыта. А потом о ней попросту забыли, многие же и совсем не знали.

¹⁴ Там же, стр. 226.

В Польше в 20-х и 30-х годах несколько раз упоминалось имя Янушкевича в словарях, посвященных польским ссыльным революционерам, однако о книге речь тоже не шла.

Лишь в 50-х годах нашего века работы молодого польского писателя и историка литературы Януша Одровонж-Пененжка о поэте-романтике Густаве Зелинском, об Адольфе Янушкевиче и других «сибиряках» (как называют в Польше ссыльных революционеров) привлекли к этой теме широкое внимание общественности. Сначала были переизданы (22-й раз!) в Варшаве избранные сочинения Густава Зелинского, куда вошла поэма «Киргиз» и другие произведения, затем в 1956 году в «Известиях Польско-Советского общества» была напечатана статья Я. Одровонж-Пененжка «История мицкевического Адольфа», где говорилось не только о Янушкевиче, но и о книге, и даже приводились интересные цитаты из «Дневников и писем».

И хотя том «Известий Польско-Советского общества» простоял на полке библиотеки в Алма-Ате неразрезанным до 1964 года, все же эхо этих публикаций докатилось до Казахстана: ныне покойная Ева Федоровна Симонова, работавшая в середине 50-х годов доцентом Казахского университета и имевшая связь с польскими учеными, напечатала в журнале статью, скорее заметку, о Янушкевиче.¹⁵ Она цитировала те же выдержки из книги, которые напечатаны в статье Я. Одровонж-Пененжка, но так как Е. Симонова сама никогда не держала этой книги в руках, то, естественно, она настоящей цены ей не знала. И сама заметка эта не привлекла внимания общественности.

Начав в 1963 году работать в области польско-казахских литературных связей в XIX веке — изучать творчество Густава Зелинского, я получила от Януша Одровонж-Пененжка изданную им (как составителем и автором вступительной статьи) в Варшаве романтическую поэму «Киргиз», которую поэт-революционер написал в Ишиме во время ссылки. Здесь я и прочла впервые упоминания о Янушкевиче и его книге. Книга эта меня сразу заинтересовала, и я решила отыскать ее, написав сначала в Польшу.

¹⁵ Е. Симонова. Польский поэт-революционер о Казахстане. «Советский Казахстан», 1958, № 1, стр. 112—114.